

Глава 7

— Никого? — Я изобразил любопытство.

У Шэ положил руку на гроб и с интересом оглядел меня:

— Здесь изначально лежал ты.

Я? О, понял: наверняка речь шла о Ли Су из прошлой жизни, разве то тело не использовали для обмена?

Но я по-прежнему прикинулся ничего не понимающим:

— Я?

Бледные пальцы У Шэ медленно скользнули по краю гроба:

— Однако ты столетней давности был куда умнее нынешнего.

Я слегка удивился: с чего это У Шэ так уверен, что Ли Су из прошлого и я нынешний — одно и то же лицо?

У Шэ поведал о прошлом. Когда-то, после моей гибели под Залом Цянькунь, он понимал, что долго не продержится в Секте Юньсянь, а потому забрал моё тело и направился к Вратам Желтых Источников. Там провели грандиозный ритуал призыва душ, поскольку ему безумно хотелось вернуть меня и расспросить: откуда, черт побери, я узнал, что у него на заднице есть родимое пятно? Об этой метке, кроме его матери, никто не знал.

Думаю, сейчас о ней знают по меньшей мере несколько сотен наложниц? При мысли о той банде чудищ во внутренних покоях меня невольно бросило в дрожь. Глядя на бледное, но невероятно красивое лицо У Шэ, я невольно пожалел его. Странно, чего это я вдруг расчувствовался? Извращённый вкус — его проблема, лишь бы ему самому нравилось.

У Шэ посмотрел на меня:

— Чего это ты ухмыляешься?

Потому что я дурак, чуть что — сразу ухмыляюсь, привыкнешь со временем.

Не дождавшись ответа, У Шэ не стал допытываться и продолжил рассказ о давнем призыве душ.

Призвать мою душу было невозможно, однако У Шэ в те времена уже был главой демонов в

преисподней, и не было в мире духа, которого он не смог бы вытянуть. Тогда он догадался, что я вовсе не из этого мира.

А раз я не из этого мира, то откуда? У Шэ не стал продолжать, лишь опустил тёмно-красные глаза и уставился на меня.

Я, конечно, не собирался ему признаваться, что прибыл из мира за пределами книги.

— Знаешь ли ты? — У Шэ приподнял мой подбородок, заставляя смотреть прямо на него. — Мои глаза зовутся Глазом Призраков и Божеств, под его взором никто не смеет лгать.

Внезапно мне стало не по себе.

— А теперь скажи мне: ты — Ли Су? — У Шэ пристально вглядывался в меня, его тёмно-красные зрачки медленно вращались, как лепестки цветов, и по ним расползались тончайшие трещинки, от которых голова шла кругом.

— Я... это... Ли Су... — одурманенно ответил я.

— Прекрасно, — уголки губ У Шэ изогнулись. — Откуда ты?

— Из... мира за пределами книги. — Разряд тока внезапно ворвался в сердце, слова «за пределами книги» прозвучали крайне смазанно, меня прошиб судорожный спазм от боли, и разум полностью прояснился.

— Ах, ты, похоже, не выносишь Технику Подавления Сердца. — У Шэ коснулся уголка моих губ, и я понял, что снова сблевал кровь. Однако он явно не собирался останавливаться — наоборот, пальцы, сжимавшие мой подбородок, только усилили хватку, притягивая меня ближе к нему.

— Что это за место такое — за пределами книги? Семьдесят второй небесный чертог? — У Шэ продолжил применять Технику Подавления Сердца.

Но я уже очнулся от наваждения: боль-наказание за спойлеры на сей раз удачно защитила меня от чужого контроля.

— Да... — всё так же притворяясь зачарованным, ответил я.

— Хорошо, какой послушный. — У Шэ слабо улыбнулся, словно мимолетно промелькнула бесконечная красота и тут же растворилась.

Я тупо уставился на него.

— Продолжим. Откуда ты узнал про моё... родимое пятно? — Лицо У Шэ приблизилось вплотную, холодное дыхание скользнуло по моему лбу, я почти различал его ресницы — точно так же, как в тот раз, когда умирал.

— Я... не знаю.

— Не знаешь? — У Шэ слегка разочаровался, но тут же с прежним интересом спросил: — Ты что, прикидываешься дурачком?

— ...Нет, — хихикнул я. — Тянь Цзюэ говорит, что я по-настоящему тупой.

Взгляд У Шэ потемнел, он разжал пальцы:

— Больше не произноси это имя. Вытри лицо и следуй за мной.

Допрос подошел к концу, и я смог ненадолго выдохнуть.

В груди всё ещё покалывало от остаточной боли, а по спине незаметно струился холодный пот.

Статус наложницы У Шэ вовсе не принёс мне никаких привилегий.

У Шэ совершенно не волновало, буду ли я харкать кровью и не замью ли насмерть в этих внутренних покоях. Он просто поселил меня в маленьком дворике и ушёл.

Единственное изменение заключалось в том, что он перестал величать себя «этим сидением» в разговорах со мной.

Но что это знало? Счёл меня за своего?

В месте, где не было ни дня, ни ночи, оставалось лишь определять время по черепным водяным часам во внутренних покоях.

Прошло около полмесяца, а У Шэ я так и не видел.

Я уж думал: не вернуться ли мне через смерть, чтобы передать через Великого Автора весточку главному герою? Наверное, так вышло бы куда эффективнее.

Но стоило вспомнить, как самоуверенно я заявлял Великому Автору, что сам разгребу этот бардак, как во мне просыпалось ослиное упрямство.

Однажды, в то время суток, что должно было соответствовать утру, я услышал доносившиеся

со двора заунывные завывания и пение.

В последнее время во внутренних покоях репетировали очень часто, стало гораздо шумнее, чем раньше. Интересно, к какому представлению они готовились?

Но как только я вспоминал свою свадьбу с У Шэ... те устрашающие физиономии с синими лицами и клыками в главном зале, мне сразу перехотелось выходить наружу.

Раздался щелчок, окно приоткрылось на узкую щель.

Пара бледных рук опустила коробку с едой и тут же скрылась.

Я заметил, что доставщик еды, обычно носивший чёрное, сегодня облачился в праздничный красный наряд.

Эти алые рукава бросались в глаза до рези в глазах.

Похоже, во внутренних покоях действительно намечалось торжество, только вот какое?

Победа за победой в войне по уничтожению мира? Тысячелетний юбилей главы демонов?

Обед снова оказался холодным, на гарнир опять подали странное сырое мясо. Я поковырялся, съел немного риса с длинными тёмно-зелёными листьями, накрыл крышкой и оставил на столе.

Нет, так жить нельзя. Даже если по возвращении в реальность я останусь калекой, меня хотя бы ждёт бесчисленное множество вкусной еды.

И всё же... перед смертью стоило попытаться и хоть гладком взглянуть, что там творится снаружи.

Меня просто снесло изнутри от любопытства: что за номер репетируют эти призраки?

На всякий случай я прихватил с собой резной нож — в любой момент смогу себя прирезать, так безопаснее всего.

Издали заметив фигуру в тёмно-зелёных одеждах с золотым тиснением среди нечисти, я понял, что У Шэ тоже здесь.

Крадучись, я подорожал ближе и увидел группу бледнолицых длинноволосых призраков, окруживших трёхметрового монстра с бычьей головой. Они покачивали туловищами и трясли конечностями, а их праздничные красные халаты ярко пестрели.

Похоже, репетировали какой-то танец?

Как только я приблизился, У Шэ обернулся и, заметив меня, поманил пальцем.

Я тут же, придуриваясь, подбежал к нему.

Одна фигура обогнала меня и бросилась к У Шэ первой. Присмотревшись, я узнал Человека-Петуха.

В голове отчего-то заныло.

Петушина голова то вытягивалась, то втягивалась, издавая кудахтанье, и вот птичечеловек уже стоял перед У Шэ.

У Шэ наклонился и бросил ему пару фраз, а Человек-Петух усердно закивал.

— Фэй Цибай, а вот и ты, — обернулся ко мне Человек-Петух с приветствием.

Фэй Цибай...

— Как раз вовремя пришёл, хотя рожа у тебя такая уродливая, толку от тебя чуть, — заявил Человек-Петух.

Я...

— В общем так, у нас в Юду намечается состязание под названием Битва Красоты, в нём могут участвовать все демоны и духи преисподней, — продолжал объяснять он, тыкая в меня пальцем. — Они выступят на этом конкурсе в качестве представительниц наложниц Вана Юду.

Битва Красоты...

— Хотя ты и страшный до безобразия, Ван Юду только что велел тебе тоже подготовиться и принять участие.

Я с дурацкой улыбкой посмотрел на Человека-Петуха.

— Иди за Цигуном, Цигун тебя принарядит. — Человек-Петух внезапно вытянул шею и клюнул меня в лоб.

Совершенно неожиданно!

С красной точкой на лбу и в ярко-алых одеждах я стоял посреди дворца, глядя на своё отражение в зеркальной глади хрусталя.

Да вроде нормально всё, неужели и впрямь так уродлив?

Конечно, с главным героем и боссом-злодеем тягаться нечего, но заткнуть за пояс Великого Автора мне бы точно хватило.

— Цигун, Цигун, — спросил я, — а Ван Юду красивый?

— Нечего тут орать и мельтешить, — ответил Цигун. — Ван Юду, разумеется, самый красивый демон в Юду, иначе с чего бы столько монстров и духов вышло за него замуж?

— Ох... — Мне никак не удавалось постичь эстетику уроженцев преисподней.

Всю дорогу Цигун без умолку бубнил мне на уши.

Суть сводилась к тому, что масштаб Битвы Красоты грандиозен, состав судей ожидался высочайшего уровня, и проигрывать нам было никак нельзя. В случае поражения придётся отдать Ди Цзанвану трёх наложниц.

И кто этот Ди Цзанван?

— На месте разберёшься, а пока иди к Наложнице Пятьсот Двойка и остальным, тренируйте танец.

Доставив меня на место, Цигун удалился, волоча за собой свой огромный хвост.

Быкоголовый монстр медленно покачивал массивным телом, красные шёлковые одежды едва прикрывали его зад — с моего ракурса это выглядело даже в меру сексуально.

После нескольких дней репетиций так называемых народных танцев Цигун счёл наш номер предварительно прошедшим отбор.

Пять отрядов наложниц выстроились перед главными воротами внутренних покоев. Вести нас назначили одного Цигуна и четырех гусей-мужчин, причем Цигун шел главным запевалой.

Шагая примерно с час, мы вошли в Старый город, миновали полуразрушенные, тоскливые улицы, и перед нами наконец предстала старая сцена.

Цигун не соврал — масштаб действительно впечатлял.

По меньшей мере несколько тысяч призраков повылазило из обломков стен, уставившись на сцену полными любопытства глазами.

В VIP-ложе перед сценой уже заняли свои места У Шэ и еще три главы демонов.

Один из них вызвал у меня легкое удивление: широкоплечий, статный, лицом вполне обычной наружности — ни дать ни взять заправский мастер боевых искусств, а вовсе не демон.

Битва Красоты шла своим чередом: гаремы глав демонов демонстрировали свои номера один за другим.

Толпы самых разных чудовищ и нечисти неистово плясали на сцене.

Когда подошла очередь нашей группы, я достал маску, законченную резкой лишь прошлой ночью, и натянул на лицо.

На неё ушло немало времени: я специально попросил Цигуна принести портреты победителей прошлых лет и срисовывал с них лицо. Получился этакий злой дух из тантрических канонов — с выдающимся вперёд лбом, огромными, как медные колокола, глазами и пастью, растянутой от уха до уха, обнажающей кровожадный оскал.

Стоило мне надеть эту маску, как окружающие демоны начали смотреть на меня совершенно иначе.

Глядя на дорогу сквозь проделанные в огромных глазах дырочки, я вместе с Наложницей Пятьсот Двойка поднялся на сцену.

Цигун зычным голосом объявил:

— Любимые наложницы Вана Юду: Наложница Пятьсот Двойка, Наложница Четыреста Девять, Наложница Четыреста Восемьдесят... Фэй Цибай выходят на сцену!

Призраки внизу восторженно заорали. Наложница Пятьсот Двойка первым закрутил бёдрами, остальные наложники тоже принялись покачиваться в такт его движениям, и я поспешил присоединиться.

При смене рисунка танца я переместился в первый ряд, и из зала донеслись испуганные вздохи: публика оказалась потрясена моим невероятно свирепым маскарадным обликом.

Я бросил взгляд на У Шэ. Трендовый демон, похожий на мастера боевых искусств, о чем-то оживленно беседовал с ним, но, почуяв мой взгляд, У Шэ повернул голову.

Он легонько улыбнулся.

На секунду мне даже стало понятно, почему главный герой так теряет от него голову.

<http://bllate.org/book/24650/2900639>